

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ МОТИВОВ

Предпринят анализ благотворительности как инструмента обеспечения социального благополучия населения современной России и как социокультурного явления. На основе работ российских авторов показан избирательный интерес к данному феномену, а именно преимущественное внимание к истокам благотворительности и ее практической значимости. Утверждается, что анализ мотивации к благотворительности еще не стал предметом пристального внимания отечественных исследователей, что не позволяет в полной мере выявить существенные аспекты благотворительной деятельности, а также составить целостное представление о ней с целью применения полученных результатов как в научной, так и в практической сфере. Обосновывается актуальность изучения мотивов благотворительной деятельности, их анализа и определения мотивационного поля благотворительности.

Ключевые слова: благотворительность; мотивационное поле благотворительности; мотивы благотворительной деятельности.

Обеспечение социального благополучия населения является одной из гарантий государства перед своими гражданами. В нашей стране данный вид ответственности выражается в проведении государственной социальной политики на территории Российской Федерации с целью снижения социальных рисков и на практике представляет собой достаточно сложную вертикаль государственных учреждений (начиная с Министерства труда и социальной защиты РФ и заканчивая территориальными отделениями центров социальной поддержки населения) [1. С. 73].

Однако существуют и негосударственные механизмы, служащие данной цели. К ним относятся благотворительные организации. Сфера применения благотворительной деятельности достаточно разнообразна. В Российской Федерации на 1 января 2013 г. число зарегистрированных общественных объединений и организаций составляет 104 949 [2]. Только в Томской области, по данным Администрации Томской области, осуществляет свою работу более 3 000 некоммерческих организаций [3].

Помимо прочего, в последние годы (в том числе и в Томске) создаются центры поддержки некоммерческих организаций, неуклонно растет интерес к профессиональному волонтерству и социальному предпринимательству, ежегодно проводятся слеты волонтеров, реализуются как российские, так и международные волонтерские программы. Все это, конечно, является неотъемлемой частью, механизмами организации и развития процесса каритативной деятельности в России, ее институционализации.

Согласно Федеральному закону «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки [4]. Данный закон призван установить основы правового регулирования благотворительной деятельности, определить возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особен-

ности создания и деятельности благотворительных организаций. Однако одного наличия данного нормативно-правового акта, равно как и некоторых положений Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации, явно недостаточно не только для наилучшей юридической ее формализации, но и для распространения в организованных формах. Для деятельности последних немаловажное значение, в силу необходимости определения объектов воздействия – благополучателей, имеет знание об источниках финансирования собственной деятельности.

Под источником финансирования автор имеет в виду не только взносы учредителей благотворительных организаций и доходы от внебюджетных операций, включая доходы от ценных бумаг, но и поступления от деятельности по привлечению ресурсов (проведение кампаний по привлечению благотворителей и добровольцев и пр.) и благотворительные пожертвования. Последнее предполагает наличие социальной ответственности, а именно осознание благотворительности как общественно значимого явления, как моральной ценности и т.д.

Нельзя также не сказать о том, что согласно новому Закону «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», вступившему в силу 1 января 2015 г., не только намечается, но и законодательно закреплена (ст. 5 Закона) тенденция увеличения нагрузки по предоставлению социальных услуг на негосударственные организации социального обслуживания населения, в том числе социально-ориентированные некоммерческие организации [5], что свидетельствует об увеличении роли данных организаций в деле помощи нуждающимся и признании их участия в данной работе на государственном уровне.

Однако исследования центра САФ Россия¹ показывают, что, несмотря на осведомленность россиян о существовании таких организаций (94% россиян получали какую-либо информацию об НКО за последний год) [6. С. 14], они не спешат совершать пожертвования. Здесь мы видим не только проблему недостатка финансовых средств, недостатка информации и

недоверия к подобным организациям, но и проблему мотивации к осуществлению акта милосердия (*caritas*). Поэтому встает закономерный вопрос изучения интенций к свершению акта милосердия посредством благотворительной деятельности.

Благотворительность как социальный феномен характеризуется, прежде всего, проявлением целенаправленного внимания к людям, не способным в силу субъективных или объективных причин обеспечить себя своими силами, хотя бы на минимальном уровне, соответствующем уровню цивилизованного общества, оказанием им посильной помощи в сохранении и организации своей жизнедеятельности, поддержанием их материально и духовно [7. С. 3].

Благотворительность как социально-культурное явление всегда представляла определенный интерес для исследователей различных отраслей знаний – философов, историков, общественных деятелей. Однако ее изучение происходило неравномерно, что объясняется динамикой социально-экономических и политических процессов. Как социокультурное явление благотворительность прошла достаточно долгую эволюцию. В качестве предпосылок институционализации собственно благотворительности необходимо отметить формирование определенных общественных потребностей в процессе исторического развития в новых типах социальной деятельности и соответствующих им политических и социальных условий. Этот процесс сопровождался возникновением и развитием необходимых организационных структур, а также связанных с ними ценностно-нормативных стандартов и социальных норм [8. С. 20].

Ряд российских ученых начинают исследование благотворительности с античной цивилизации, аргументируя этот шаг ранним, в сравнении с континентальной Европой, появлением государственности и, следовательно, появлением социально-экономических и правовых предпосылок для развития благотворительности и элементарной социальной политики [9. С. 149]. Дальнейшее развитие *caritas* получает в связи с принятием христианства и установлением в обществе библейских (старо- и новозаветных) норм, которые выражаются в любви к ближнему [10. С. 82]. Необходимо отметить, что в данном аспекте как отечественные, так и зарубежные исследователи находят точки соприкосновения и согласие по данному вопросу. Однако все они вплоть до настоящего времени рассматривают преимущественно религиозные либо корпоративные² мотивы к свершению благотворительной деятельности, что является недостаточным для полного понимания смысла и перспектив данного феномена.

Что касается современной российской действительности, то за последние десятилетия, как известно, в России произошли значительные социокультурные изменения. Смена политической парадигмы спровоцировала такие явления, как изменение и преобразование идеологических установок, ценностных ориентиров, социально-экономическое расслоение общества и прочее. Одним из последствий вышеназванных процессов стало возрождение такого феномена, как

благотворительная деятельность, которая выступила одним из важных средств стабилизации ранее не существовавших деструктивных социальных процессов. Именно из-за этого благотворительность применительно к российской действительности можно рассматривать как новое явление. Поэтому возможность изучения и анализа мотивов благотворительной деятельности позволит нам лучше понять ее специфику и перспективы развития в России.

Изучение мотивов благотворительной деятельности началось еще в дореволюционной России. Дореволюционные исследователи выделяли в качестве основного мотива благотворительной деятельности религиозность. С точки зрения отечественного автора В.Г. Бобровникова, в качестве мотивационных оснований дореволюционной благотворительности можно выделить следующие факторы: духовно-нравственный, статусно-ролевой, социально-престижный, личностно-эгоистический [11. С. 17].

Современные российские исследователи также проявляют интерес к данному феномену. Прежде всего следует указать, что и отмечают некоторые отечественные авторы [14], что тема исследования мотивации альтруистического поведения в большей степени разработана социальной психологией, чем философией. В этом же ключе выделяются два основных вектора развития изысканий в данной области: философско-культурологический, который рассматривает экзистенциальную сущность благотворительности, связывая ее с культурно-ценностными ориентациями, и прагматико-социологический, который исследует качественные и количественные характеристики данного феномена [12. С. 151].

Также современные российские исследователи выделяют две парадигмы благотворительности – западную и российскую, имеющие свои мотивационные составляющие. Применительно к российскому обществу, в силу социокультурных изменений последних ста лет (чем и объясняется отсутствие преемственности каритативной деятельности), они ориентированы на западную парадигму и поэтому обозначают личностный и корпоративный уровни данной модели [11]. Если имеются элементы разных уровней мотивации, то формируется и структура системы, которую условно можно назвать мотивационным полем. Таким образом, современные исследователи под мотивационным полем понимают круг побуждающих факторов, ограниченных содержанием (т.е. элементами), пространством (т.е. регионом) и временными параметрами (т.е. веками), имеющих два ценностно-ориентированных уровня – личностный и корпоративный. Мотивационное поле является универсальным, динамичным и требует дальнейшего исследования.

Анализ мотивационного поля показывает, что единого мнения относительно его составляющих у исследователей нет. Известный российский социолог В.В. Радаев выделяет следующие типы мотиваций: потребности социального выживания, заключающиеся в сохранении положения; гедонические потребности, ориентированные на максимизацию личного потребления; потребности в социальном самоутвержде-

нии через осуществление полезных функций и исполнение долга; потребности в труде [13. С. 87–88]. Схожие мотивы выделяет В.П. Старостин: моральный долг (моральное удовлетворение, самоуважение, самоутверждение, гордость, повышение самооценки) и моральное сочувствие (отождествление, сопереживание) [14. С. 262–263]. Несколько другие мотивы выделяет исследователь Л.В. Быкасова, а именно религиозный, личностный, статусный и мемориальный [15. С. 51].

Многие исследователи говорят о том, что в современном мире количество мотивов, побуждающих к осуществлению действия, которые можно трактовать как благотворительность, значительно больше: желание быть полезным, служение идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания, альтруизм и сострадание, налоговые льготы. В этот же список можно добавить и желание не выделяться из своего социального окружения.

Кроме того, анализируя работы современных авторов, можно сделать вывод о том, что мотивации благотворительной деятельности в российской и западноевропейской культуре формировались в различных условиях и направлении, имеющем разные векторы развития. Западная парадигма благотворительности имела прогрессивную динамику и трансформировалась из простых эмотивных элементов, таких как жалость, религиозность, альтруизм и эгоизм, в непреложные гражданские права, социальную безопасность и в государственное страхование [11].

В российском обществе развитие ценностно-мотивационных элементов (мы имеем в виду духовно-нравственный, статусно-ролевой, социально-престижный, личностно-эгоистический элементы) было приостановлено событиями 1917 г. и имеет свое продолжение только с 1990-х гг. XX в. Однако эти мотивационные составляющие в настоящее время ориентированы на западную парадигму – корпора-

тивные совокупные интересы, комплекс личностных мотивов, социальная ответственность бизнеса и др.

Однако в новой России благотворительность, несмотря на достаточно долгую историю, повсеместную рекламу, просветительскую деятельность и некоторое нормативно-правовое обеспечение, до сих пор не получила широкого распространения. Думается, проблема заключается не только в недоверии россиян к некоммерческим организациям [6], но и в том, что основным источником финансирования благотворительной деятельности, по мнению населения, должно быть государство [16. С. 150].

Соответственно, возникает необходимость трансформации имеющихся пассивных компонентов мотивационного поля в его активные составляющие. А это значит, что благотворительность как деятельность должна занять достаточно заметное место в системе социальных ценностей нашего общества.

Отечественные авторы предпринимают попытки к изучению мотивов и мотивационного поля, но в их работах в основном речь идет о мотивации к труду и трудовой деятельности, т.е. об управлении трудовыми ресурсами (кадровый менеджмент). Благотворительность как объект изучения также подвергается тщательному анализу, однако изучаются преимущественно история данного феномена, его нормативно-правовая составляющая или отдельно взятые формы (например, корпоративная благотворительность, благотворительная деятельность религиозных организаций и т.п.), в то время как анализ мотивации к благотворительности еще не стал предметом пристального внимания.

Тем самым вышеперечисленные исследования, на наш взгляд, не полностью раскрывают сущностные аспекты данного явления (в силу полярности смысловой нагрузки благотворительности и как понятия, и как деятельности), и поэтому оно требует дальнейшего тщательного изучения и анализа полученных результатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ CAF Россия – российский филиал британского фонда Charities Aid Foundation (CAF), работающий в Москве с 1993 г.

² Под корпоративной благотворительностью понимается добровольная деятельность коммерческих организаций, направленная на оказание социальной помощи нуждающимся или на поддержку как собственных социальных проектов, так и социальных проектов других организаций. При осуществлении данного вида деятельности область вложения денежных средств может не иметь прямой связи с генеральной деятельностью компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жукова А.В. Феномен благотворительности в темпоральном измерении // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 28 февраля 2015 г.: в 13 ч. Ч. 10. Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2015. С. 73–75.
2. Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации на 1 января 2013 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. М., 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d1/02-10.htm (дата обращения: 25.11.2014).
3. Общественные организации // Официальный сайт Администрации Томской области. Томск, 2015. URL: <http://tomsk.gov.ru/ru/grazhdanskoe-obschestvo/obschestvennye-organizatsii> (дата обращения: 25.11.2014 г.).
4. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) // КонсультантПлюс. М., 2015. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 18.02.2015).
5. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // КонсультантПлюс. М., 2015. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та. (дата обращения 09.03.2015 г.).
6. Сострадание и спонтанность: отчет о массовых пожертвованиях в России / Ю. Ходорова и др. // Официальный сайт Фонда CAF Россия. М. : CAF Россия, 2014. 24 с. URL: http://www.cafussia.ru/page/sostradanie_i_spontanost_chastnie_pozhertvovaniya_v_rossii (дата обращения: 26.11.2014).
7. Нецвертний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М. : СОЮЗ, 1993. 31 с.

8. Быков А.А. Генезис понятия «благотворительность» в российской традиции: нормативно-правовое обеспечение и формы реализации / А.А. Быков, А.В. Жукова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1(25). С. 19–30.
9. Быков А.А. Античная цивилизация. У истоков европейской благотворительности // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 1 (15). С. 147–156.
10. Fleßa S. Karitative Nonprofit-Organisationen als Betriebstyp // Zeitschrift für öffentliche und gemeinwirtschaftliche Unternehmen: ZögU / Journal for Public and Nonprofit Services. 2002. Bd. 25, H. 1. P. 78–86.
11. Бобровников В.Г. К вопросу об определении мотивационного поля благотворительности / В.Г. Бобровников // Известия ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. Вып. 8, № 9 (69). С. 16–19.
12. Голкова М.Л. Образы благотворительности в современном информационном поле // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 162. С. 150–155.
13. Радаев В.В. Внеэкономические мотивы предпринимательской деятельности (по материалам эмпирических исследований) // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 85–97.
14. Старостин В.П. Сострадание как социально-нравственный феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 19, № 45. С. 260–264.
15. Быкасова Л.В. Благотворительность в истории культурной жизни Западной Сибири конца XVIII – начала XX в. СПб. : ГИУ – Новокузнецк, 2007. 135 с.
16. Михеева Н.Н. Благотворительность в общественном мнении тюменцев // Социс. 2009. № 2. С. 149–152.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 сентября 2015 г.

CURRENT CHARITABLE ACTIVITIES AND THEIR MOTIVATION

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 46–50. DOI: 10.17223/15617793/400/7

Zhukova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhukovaanastasija@gmail.com

Keywords: charity; motivational field of charitable activities; motives of charitable activities.

This article discusses the relevance of the study of charitable activities that began in pre-revolutionary Russia and continues in modern Russian research, as well as the study of the motives of this phenomenon. It is argued that the provision of social welfare to the population is one of the guarantees of the state to its citizens. In our country, this kind of responsibility is expressed in the conduct of a targeted state social policy in the Russian Federation in order to reduce social risks and, in practice, is a fairly complex chain of state institutions. However, there are non-state mechanisms that serve this purpose, which include charitable organizations. Analysis was conducted of charitable activities as an instrument of social well-being in modern Russia through the mechanisms of its institutionalization which include the normative and legal regulation and support of this type of activities, and forms of their implementation. Analysis was conducted of charity as a social and cultural phenomenon that should be regarded as a prerequisite for the formation of specific social needs in the process of historical development in new types of social activities and their respective political and social conditions, and, as a consequence, the emergence and development of some of the necessary organizational structures, as well as related value-regulatory standards and social norms. The article analyzes the paradigms of charitable activities designated by modern Russian researchers, the motivational components of this phenomenon, and also features of the formation and structure of such a phenomenon as a "motivational field". There have been problems that are directly related to the study of the motivational field of charitable activities. Analysis of the motivational field shows that there is no consensus on its constituents among researchers. Many of its components are not reflected by all researchers involved in this issue. It is shown that despite a long history, widespread advertising, educational activities and some regulatory support, charity is still not widespread. In this regard is accented the need to transform the existing passive motivational field into its active components. Therefore, there is a need for charity to occupy a prominent place in the system of social values of our society. The article concludes that the studies analyzed do not fully reveal the essential aspects of the phenomenon (due to the polarity of the semantic load of charity both as a concept and as an activity), and, thus, it requires further careful study and analysis of the results.

REFERENCES

1. Zhukova, A.V. (2015) [The phenomenon of charity in the temporal dimension]. *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya* [Prospects of development of science and education]. Proceedings of the International scientific and practical conference. February 28, 2015. In 13 parts. Pt. 10. Tomsk: Yukom. pp. 73–75. (In Russian).
2. Official site of the Federal Service of State Statistics. (2015) *Chislo obshchestvennykh ob"edineniy i organizatsiy, zaregistrirovannykh v Rossiyskoy Federatsii na 1 yanvarya 2013 g.* [The number of public associations and organizations registered in the Russian Federation on January 1, 2013]. Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d1/02-10.htm. (Accessed: 25 November 2014).
3. Official site of Tomsk Oblast Administration. (2015) *Obshchestvennye organizatsii* [Public organizations]. Available from: <http://tomsk.gov.ru/ru/grazhdanskoe-obschestvo/obschestvennye-organizatsii>. (Accessed: 25 November 2014).
4. KonsultantPlyus. (2015) *O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh: Federal'nyy zakon ot 11 avg. 1995 g. № 135-FZ (v red. ot 05.05.2014)* [On charitable activities and charitable organizations: Federal Law of 11 August 1995 No. 135-FZ (ed. on 05.05.2014)]. (Accessed: 18 February 2015).
5. KonsultantPlyus. (2015) *Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 28 dek. 2013 g. № 442-FZ (v red. ot 21.07.2014)* [On the bases of social services for citizens in the Russian Federation: Federal Law of 28 December 2013 № 442-FZ (ed. on 07.21.2014)]. (Accessed: 09 March 2015).
6. Khodorova, Yu. et al. (2014) *Sostradanie i spontannost': otchet o massovykh pozhertvovaniyakh v Rossii* [Compassion and spontaneity: a report on mass donations in Russia]. Moscow: CAF Rossiya. Available from: http://www.cafrossia.ru/page/sostradanie_i_spontannost_chastnie_pozhertvovaniya_v_rossii. (Accessed: 26 November 2014).
7. Neshcheretny, P.I. (1993) *Istoricheskie korni i traditsii razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii* [Historical roots and traditions of philanthropy in Russia]. Moscow: SOYUZ.
8. Bykov, A.A. & Zhukova, A.V. (2014) Genesis of the concept of "charity" in Russian history: regulatory support and forms of implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(25). pp. 19–30. (In Russian).
9. Bykov, A.A. (2013) *Antichnaya tsivilizatsiya. U istokov evropeyskoy blagotvoritel'nosti* [Ancient civilization. At the root of European philanthropy]. *Idey i idealy*. 2:1 (15). pp. 147–156.

10. Fleßa, S. (2002) Karitative Nonprofit-Organisationen als Betriebstyp. *Zeitschrift für öffentliche und gemeinwirtschaftliche Unternehmen: ZöGU / Journal for Public and Nonprofit Services*. 25:1. pp. 78–86.
11. Bobrovnikov, V.G. (2010) Towards definition of the motivational field of charity. *Izvestiya VolgGTU. Ser. Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya*. 8:9 (69). pp. 16–19.
12. Golkova, M.L. (2013) Images of Charity in the Modern Information Field. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 162. pp. 150–155. (In Russian).
13. Radaev, V.V. (1994) Vneekonomicheskie motivy predprinimatel'skoy deyatel'nosti (po materialam empiricheskikh issledovaniy) [Non-economic motives of entrepreneurial activity (based on empirical studies)]. *Voprosy ekonomiki*. 7. pp. 85–97.
14. Starostin, V.P. (2007) Sostradanie kak sotsial'no-nravstvennyy fenomen [Compassion as a social and moral phenomenon]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 19:45. pp. 260–264.
15. Bykasova, L.V. (2007) *Blagotvoritel'nost' v istorii kul'turnoy zhizni Zapadnoy Sibiri kontsa XVIII – nachala XX v.* [Charity in the history of the cultural life of Western Siberia of the late 18th – early 20th centuries]. St. Petersburg: GIU – Novokuznetsk.
16. Mikheeva, N.N. (2009) Blagotvoritel'nost' v obshchestvennom mnenii tyumentsev [Charity in public opinion of Tyumen residents]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2. pp. 149–152.

Received: 12 September 2015